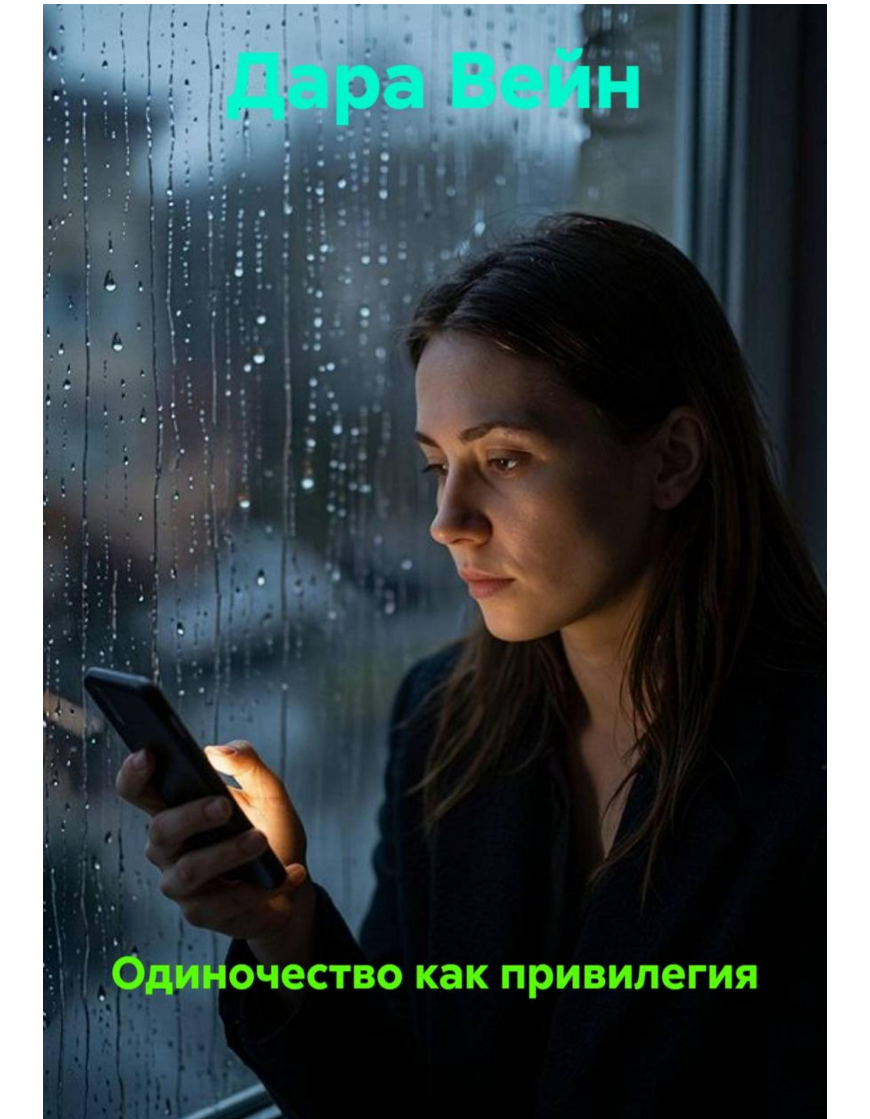

A woman with long brown hair is looking down at a smartphone in her hand. She is standing in front of a window covered in raindrops. The scene is dimly lit, with light coming from the phone screen and the window. The overall mood is contemplative and solitary.

Дара Вейн

Одиночество как привилегия

Дара Вейн

Одиночество как привилегия

<https://litres.ru/74514654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна просыпается утром и обнаруживает, что телефон разрядился, интернет отключился, а за окном — просто дождь. Впервые за годы она остаётся наедине с собой. И вместо паники чувствует облегчение.

Эта книга — история о том, как одиночество перестаёт быть приговором и становится пространством, где человек впервые встречает самого себя. Без фильтров, без зрителей, без чужих ожиданий.

Одиночество — не приговор. Это свобода, которую никто не разрешал.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1. Шум	7
Глава 2. Ребёнок, который играл один	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дара Вейн

Одиночество

как привилегия

ДАРА ВЕЙН

ОДИНОЧЕСТВО КАК ПРИВИЛЕГИЯ

Роман

2026

Предисловие автора

Эту книгу я начала писать в тишине — не в тишине отшельника, забравшегося в горы, а в тишине обычной городской квартиры, в которой я осталась одна на целую неделю. Не потому что меня бросили. Не потому что я сбежала. А потому что я наконец позволила себе это.

Я помню, как в первый вечер захотелось позвонить кому-нибудь — кому угодно, лишь бы заполнить воздух голосом. Я не позвонила. Просто сидела и слушала, как холодильник гудит на кухне. И вдруг поняла: я не помню, когда в последний раз слышала этот звук. Не потому что его не было, а потому что вокруг всегда был другой шум — разговоры, музыка, тревоги, советы.

Эту книгу я писала для тех, кого общество научило бояться одиночества. Кому с детства говорят: «Почему ты один?» — как будто это диагноз. Кому объясняют, что человек — существо социальное, и точка. Кому предлагают «найти пару», «не оставаться», «выйти из скорлупы» — как будто одиночество это болезнь, которую нужно лечить.

Я не верю, что одиночество — наказание. Я верю, что оно — привилегия. Пространство, в котором человек впервые встречает самого себя без свидетелей, без оценок, без необходимости быть кем-то для кого-то. Это не приговор свободе. Это свобода.

Если вы сейчас одни — не потому что вас отвергли, а потому что вы выбрали, — эта книга для вас.

Дара Вейн

Часть

I

. Тишина

Глава 1. Шум

Анна проснулась от того, что стало тихо.

Не той тишины, которая наступает, когда все уходят и ты остаёшься в пустой квартире, — эта тишина была другой. Она была плотной, как вата, и Анна сначала не поняла, что именно изменилось. Потом поняла: телефон не звонил. Не вибрировал. Не светился. Экран был чёрным, и маленькая красная точка в углу не мигала — то ли сеть пропала, то ли батарея села, то ли мир решил помолчать.

Она лежала и смотрела в потолок. Так — без телефона, без будильника, без утренней ленты новостей — она не просыпалась лет шесть. Может, семь. Может, больше, потому что в какой-то момент телефон стал первым, что она видела утром, и последним, что видела вечером, и она перестала замечать, что между утром и вечером есть она сама.

Квартира была пуста. Это была её квартира — маленькая, тёплая, с книжным шкафом, который она собирала десять лет и никогда не перечитывала. На кухне стояли две чашки, хотя жила она одна: вторую она ставила по привычке, оставшейся от того времени, когда кто-то был рядом. Иногда она наливала в неё кофе и оставляла на столе до вечера. Потом выливала. Это был ритуал, смысл которого она не хотела объяснять даже себе.

Анна встала, прошла на кухню, налила воду в чайник.

Чайник — старый, со свистком, не электрический — она купила на барахолке три года назад, потому что ей понравился звук. Когда вода закипала и свисток начинал петь, квартира на секунду звучала как живая.

Она стояла у окна и ждала свиста. За окном шёл ноябрь — серый, сырой, равнодушный. Деревья во дворе давно облетели, и их голые ветки стучали по жёлтому фонарю. Где-то внизу завёл мотор чей-то автомобиль. Анна подумала: вот человек садится в машину и едет — на работу, к кому-то, домой. И он, наверное, не думает о том, что едет. Просто едет. Как она раньше просто жила.

Чайник свистнул. Анна сняла его с плиты, налила кипятка в чашку. Заварила чай — чёрный, без добавок, тот, который пила её бабушка. Бабушка тоже любила тишину, но никогда не говорила об этом прямо. Она говорила: «Хочу попить чаю в спокойствии». И все понимали: нужно выйти и закрыть дверь.

Анна села за стол с чашкой и стала смотреть в окно. Она не думала. Не планировала. Не вспоминала. Она просто сидела — и это было так непривычно, что внутри поднялась лёгкая паника, как будто она забыла сделать что-то важное. Проверить почту? Ответить на сообщение? Посмотреть, что нового?

Телефон лежал на тумбочке в спальне, чёрный и молчаливый. Анна не пошла за ним.

Она допила чай, вымыла чашку и поставила её на полку.

Потом вернулась в комнату и села в кресло — старое, с продавленным сиденьем, которое она привезла из квартиры бабушки после её смерти. Кресло пахло старым деревом и лавандой — бабушка всегда клала мешочки с лавандой между подушками.

И тогда Анна услышала себя.

Не голос — нет. Что-то другое: ощущение, тяжесть в груди, тепло в животе, лёгкий холод в пальцах. Она услышала, что её тело устало. Что плечи сведены к ушам — так она сидела всегда, даже когда никого не было рядом. Что дыхание поверхностное, быстрое, как будто она готовилась к разговору, который ещё не начался.

Она выдохнула — длинно, медленно — и плечи опустились.

Впервые за очень долгое время Анна была одна. По-настоящему одна — без связи, без шума, без ожидания. И вместо страха пришло что-то другое. Не радость. Не покой. Что-то безымянное, что она потом будет называть словом «присутствие».

Она была здесь. В этой комнате. В этом кресле. В этом дне. И больше нигде.

Глава 2. Ребёнок, который играл один

Когда Анне было шесть, она любила играть одна.

Не потому что другие дети её не любили — любили. Не потому что она не умела дружить — умела. А потому что когда она садилась на ковёр в углу комнаты и выстраивала из кубиков город — большой, сложный, с башнями и мостами, — она входила в состояние, которое потом, став взрослой, будет узнавать в других людях и называть «поток». Тогда она не знала этого слова. Она просто знала: когда она одна, мир становится больше.

Кубики были деревянные, крашеные, пахли краской и клеем. Она помнила этот запах до сих пор — тёплый, чуть горький. Город рос по своим законам: улицы петляли, площади открывались внезапно, дома стояли близко друг к другу, как будто грелись. Анна знала, где живёт каждый житель её города — маленький деревянный человечек в угловом доме был пекарь, а тот, что стоял на мосту, был часовой. У неё не было кукол, только кубики и два деревянных человечка, и этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.